ЗВѢРИНЕЦЪ.

ЛИСА.

Лиса слыветъ самымъ хитрымъ и догадливымъ животнымъ; хитрость ея на всѣхъ почти языкахъ обратилась въ пословицу; на всѣхъ языкахъ сложили объ ней притчи, сказки, присказки, басни и прибасенки. Гласъ народа — необманчивъ; въ немъ должна быть правда, и если народное повѣрье обошлось невѣжливо и не совсѣмъ–справедливо съ осломъ, провозгласивъ его дуракомъ, олухомъ, и обративъ самое названіе его въ соотвѣтствующую сему брань — то должно напротивъ признаться, что народное повѣрье честитъ лису по заслугамъ, хотя и преувеличиваетъ иногда степень ея смышлёности. Поруганіе осла основано на недоразумѣніи: онъ только вислоухъ, съ вида простъ, а впрочемъ себѣ–на–умѣ; лиса, напротивъ, остренькой, благоразумною мордочкой своей, тонкими

стоячими ушами, ловкостію и проворствомъ, обольщаетъ всякаго самою наружностію и заставляетъ предугадывать въ этомъ небольшомъ животномъ палату ума и лукавства.

Лиса водится во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта; но въ Океаніи, кромѣ завезенныхъ моремъ собакъ, животныхъ этого рода нѣтъ. На Мадагаскарѣ также, говорятъ, встрѣчаются видоизмѣненія лисы по шерсти, которымъ даны различныя наименованія. На сѣверѣ, мѣхъ ея бываетъ лучше; на востокѣ, видоизмѣненія разнообразны. Въ Восточной–Сибири, называютъ огнянкою красную, яркаго цвѣта лису; изрѣдка попадаются, въ Сѣверной–Америкѣ, огнянки съ бѣлою осью; южная лиса блѣднѣе, или свѣтлѣе шерстью и въ малой цѣнѣ. Вообще также лѣсная лиса краснѣе степной; а старая отличается просѣдью на хребтѣ. Крестовками называютъ лисъ съ бурымъ ремнемъ на хребтѣ и такою же полосою поперегъ переднихъ лопатокъ; сиводушками и чернодушками — у которыхъ грудь и брюхо

темнѣе обыкновеннаго; попадаются, въ числѣ ихъ, лисы съ бѣлесоватыми пѣжинами по брюху и по ногамъ и съ трубой (хвостомъ) до половины бѣлымъ. Самый дорогой лисій мѣхъ — это чернобурый, и шуба изъ чернобурыхъ лисицъ стоитъ нетолько 10, но иногда и 15 тысячь. Такую бѣшеную цѣну можно, конечно, запросить и получить за подобную рухлядь только у насъ, въ Россіи. Бурая лиса также рѣдка и дорога; чалая (слово это выражаетъ и масть ея) не дешевле. На островахъ Сѣверо–западной–Америки и собственно на Лисьихъ, преимущественно попадается крупная порода бурыхъ, но малоцѣнныхъ, по грубости шерсти, лисицъ, которыхъ мѣха идутъ въ Китай. Бѣлыя и бѣлесоватыя лисы попадались изрѣдка всюду; у нѣкоторыхъ иркутскихъ мѣховыхъ торговцовъ можно видѣть такое разнообразное и рѣдкое собраніе лисьихъ шкуръ, всякой масти и шерсти, что нельзя надивиться. Но настоящая масть лисы рыжая, красная, съ различными переливами; конецъ трубы бѣлый; ноги съ

черными подпалинами. Лисья шкура никогда не идетъ въ дѣло цѣликомъ: скорняки дѣлятъ ее на восемь различныхъ частей, и самый мѣхъ получаетъ отъ нихъ названіе. Завойчатый самый дорогой; онъ отъ завойки или отъ загривка бываетъ жостокъ, тяжеловатъ, но крайне–плотенъ и носокъ. За тѣмъ слѣдуетъ хребтовый, который, какъ–равно и завойчатый, идетъ на мужскія шубы нашего средняго купечества; потомъ черевій или брюшчатый, легкій, пушистый; онъ идетъ преимущественно на женскія шубы; душатый, отъ душки или отъ горла, самый легкій и мягкій; лапчатый, который сшивается изъ полосокъ, снятыхъ съ лапъ, пальца въ полтора и два шириной: мѣхъ самый короткій и не теплый, но весьма прочный; Татары и купцы берутъ его на тулупы. Лобковый мѣхъ самый дешевый. Хвостовый лисій мѣхъ мало попадается; онъ нашивается на холстъ и идетъ на одѣяла и полсти. Даже ушки сшиваются отдѣльно, и, если не ошибаюсь, заднія ляжки. Зимой, до новаго–года, лиса даетъ

лучшій мѣхъ, называемый пышнымъ; позже, онъ слишкомъ густѣетъ пухомъ, а ось осѣкается; эти мѣха называются плотными. Мясо лисье должно быть слишкомъ–дурно и безвкусно, потому–что его нигдѣ не ѣдятъ.

Если медвѣдю дали названіе отъ любимаго лакомства его, волку отъ заунывнаго голоса — выть, вой, воукъ, вовкъ, волкъ — то лиса едва–ли не получила клички отъ пресловутой хитрости и лукавства своего. Она по–польски, и даже мѣстами въ Россіи, называется лисъ, а слово это слишкомъ–близко къ нѣмецкому List, хотя звѣрю этому на нѣмецкихъ нарѣчіяхъ дано вовсе–несходное съ нимъ названіе. Если сходство это случайное, то оно подошло весьма–кстати. Лису ловятъ и бьютъ тѣми же средствами, какъ волка; но она никогда не пойдетъ въ тенёта, съ трудомъ только бываетъ обманута капканомъ, а загонять на лошади ее трудно, потому–что она всегда почти найдетъ средство скрыться. Въ волчью яму она попадаетъ изрѣдка,

случайно; на стрѣлковъ облавою выгнать ее довольно–трудно; она обрыщетъ сперва весь кругъ, и если не глазами, то чутьемъ разберетъ тотчасъ, откуда предстоитъ опасность, и проберется у крыла облавы, или прокрадется втихомолку подлѣ неопытнаго охотника. Если лиса разъ только слышала выстрѣлъ и понюхала издали пороха, то она знаетъ и помнитъ это навсегда и слышитъ чутьёмъ охотника на большомъ разстоянiи. Она подбѣгаетъ къ чащѣ, останавливается, поднявъ лапку и вздернувъ мордочку, а потомъ вдругъ кидается въ сторону, подставляя стрѣлку только пушистый хвостъ, которымъ машетъ во всѣ стороны, а сама бѣжитъ, притаившись вровень съ землею. Хвостомъ же обманываетъ она неопытныхъ собакъ, заставляетъ ихъ метаться въ одну сторону, между–тѣмъ какъ сама подскакиваетъ въ другую и хлещетъ имъ, какъ помеломъ, по глазамъ. Когда есть у нея на это время, то она вываляетъ трубу въ грязи или обмочитъ ее и обваляетъ пескомъ; такимъ снарядомъ она отмахивается очень–искусно и

запорашиваетъ собакамъ глаза. Если ей нѣтъ спасенія, то она прикидывается мертвою и мститъ злобно тому, кто ей повѣритъ. Охотники всегда вторачиваютъ лису за шею, чтобъ не попасть въ обманъ; въ противномъ случаѣ, она можетъ очнуться, начнетъ грызть лошадь, которая неминуемо собьетъ охотника и будетъ мчаться, доколѣ есть въ ней духъ. — Собаки однажды поймали лису; охотникъ соскочилъ съ лошади, отхлопалъ собакъ и, взявъ лису за трубу, замахнулся, чтобъ ударить ее, по заведенному порядку, объ–земь. Но лиса, очнувшись и увернувшись, ухватила охотника сзади за ляжку и укусила такъ жестоко, что онъ, вскрикнувъ, выпустилъ ее изъ рукъ; покойница мигомъ ушла въ опушку и пропала. Лиса, которую я хотѣлъ добить прикладомъ, съ такою силою вгрызлась въ орѣховый прикладъ, что глубокіе знаки цѣлаго ряда зубовъ остались въ немъ навсегда. На Украйнѣ разсказываютъ въ сказкѣ, что чумаки, ѣхавшіе съ рыбой, нашли лежавшую поперегъ дороги мертвую

лису; они взѵли ее и кинули на возъ; а она, столкнувъ осторожно лапками нѣсколько рыбокъ съ воза, сама соскочила и ушла. Сказка эта показываетъ народное мнѣніе о хитрости лисы, и подобнымъ басенкамъ нѣтъ конца. Есть французская древняя поэма о похожденіяхъ лисы; есть и нѣмецкая, тоже старинная, и новѣйшая, искусно и умно обработанная Гёте. Подобныя похожденія разсказываетъ и у насъ народъ, какъ на Украйнѣ, такъ и въ Великороссіи. Охотники увѣряютъ, что прикормленная лиса каждый разъ долго стережетъ, разсматриваетъ и обнюхиваетъ всю мѣстность, прежде, чѣмъ подойдетъ; она явнымъ образомъ знаетъ, что ее потчуютъ, что она не случайно нашла себѣ добычу, а что это положено съ намѣреніемъ; но, извѣдавъ и распознавъ всѣ обстоятельства, она или уходитъ, открывъ обманъ, или же, надѣясь осмѣять и обмануть человѣка, рѣшается воспользоваться поживой. Если она подстережетъ человѣка, который засѣлъ въ скрытномъ мѣстѣ, то не пойдетъ на

приваду, сколько ни дожидайся; если двое пойдутъ и одинъ изъ нихъ воротится, то она также рѣдко дается въ обманъ; но если охотникъ пойдетъ самтретей или самчетвертъ, засядетъ, а остальные воротятся, — то она бываетъ обманута. Изъ этого заключаютъ, что лиса далѣе двухъ или трехъ считать не умѣетъ. Одинъ ли пошелъ, или два — это она разберетъ; а три ли, четыре ли — разобрать и запомнить не можетъ. Если, заставъ лису въ норѣ, поставить во всѣ отнорки по капкану, то она прорываетъ куда-нибудь въ сторону новый выходъ и покидаетъ навсегда, или на долгое время, нору свою. Если поставить какую-нибудь ловушку и привязать зайца для привады, то лиса рѣдко дается въ обманъ, а понюхаетъ, поглядитъ и отойдетъ; если же, напротивъ, заяцъ попадется въ капканъ, и отчаяннымъ крикомъ своимъ подзоветъ лису, то она ни на минуту не призадумается придушить его и съѣсть. Какъ это объяснить? Не-уже-ли она понимаетъ, что капканъ теперь безопасенъ, и что судьба ей послала легкую

и вѣрную добычу? Отъискавъ приваду, лиса нерѣдко выбираетъ невдалекѣ возвышенное мѣсто, пригорокъ, садится на него и, оглядываясь во всѣ стороны, сидитъ по нѣскольку часовъ; это продолжается иногда, по зарямъ, особенно вечеромъ, дня три, четыре; не открывъ ничего подозрительнаго, она рѣшается наконецъ разсмотрѣть добычу вблизи, и иногда соблазнится ею; но смекнувъ, что это обманъ, уходитъ и болѣе не возвращается.

Если справедливо, что лиса раскладываетъ по берегу рыбьи башки и стережетъ за кустомъ или камнемъ, чтобъ налетѣла ворона или чайка, то лиса очень–умна и хитра; такое дѣйствіе доказываетъ опытность, разсчетъ и соображеніе и никакимъ образомъ не можетъ быть объяснено безсмысленной побудкой (инстинктомъ). Лиса, которую держали у насъ на дворѣ, на цѣпи, залегала въ будку свою и подстерегала индюшекъ и цыплятъ, беззаботно подходившихъ къ остаткамъ брошеннаго ей хлѣбнаго корма. Люди наши увѣряли положительно, что лисанька,

смекнувъ, чѣмъ можно приманутъ птицу, не дотрогивалась до корма, а раскладывала его вокругъ себя, на такое разстояніе, какъ только допускала цѣпь. Затѣмъ хитрая ложилась, какъ мертвая, прижавъ морду къ землѣ, и безъ промаха бросалась на птицу, когда она подходила въ мѣру. Разсказываютъ, что ручная лиса, научившись скидывать ошейникъ свой съ цѣпью черезъ голову, долго таилась отъ хозяевъ, которые не постигали, куда у сосѣдей дѣваются куры; а лисанька снимала каждую ночь съ себя ошейникъ, душила куръ у сосѣдей, а своихъ не трогала; къ утру же возвращалась домой и снова сама себя сажала на цѣпь. Если это и сомнительно, то по-крайней-мѣрѣ извѣстно, что лиса и въ дикомъ состояніи не воруетъ по близости своей норы, а идетъ на добычу куда-нибудь по-дальше. Это также уловка не послѣдняго разбора. Она ручнѣетъ довольно-скоро, но и тутъ обманываетъ; при первомъ случаѣ, она, надѣлавъ хозяину всевозможныхъ пакостей, убирается въ чистое поле.

Въ народныхъ сказкахъ, о коихъ мы упоминали, лиса мастерски дурачитъ и обманываетъ всѣхъ звѣрей; она дружится съ ними съ ханжескимъ, своекорыстнымъ намѣреніемъ. Она ведетъ волка на прорубь рыбу удить, заставивъ опустить хвостъ въ воду; а когда сѣрый жалуется кумѣ, что больно щиплетъ, не пора ли тащить? то она проситъ его обождать, говоря, что видно–де берется ракъ; приморозивъ волка, созываетъ она всю деревню бить его. Она вывалялась въ квашнѣ, когда надо было притвориться хворою, увѣряя, что у нея отъ побоевъ мозги изъ костей наружу выступили. Она попотчивала медвѣдя медомъ, заставивъ его всунуть лапу въ надколотый пень, выбила клинъ изъ него, ущемила мишкѣ лапу и продала шкуру его. Она всюду чужими руками жаръ загребала и одна корыствовалась всѣми выгодами общаго поиска, предоставляя товарищамъ своимъ опасность и славу.

Лиса роетъ себѣ глубокую, просторную нору, съ нѣсколькими отнорками, которыхъ потайной выходъ искусно прячетъ подъ

корнемъ дерева, подъ камнемъ или кустомъ. Если она слышитъ какой–нибудь шумъ, то не выходитъ иначе, какъ причувая и посматривая осторожно во всѣ стороны; въ случаѣ опасности, быстро возвращается и пробирается самымъ дальнимъ и скрытнымъ отноркомъ. Выжить ее, впрочемъ, изъ норы не легко; когда ее выкуриваютъ сѣрой, или другими веществами, то она, освидѣтельствовавъ всѣ отнорки, и найдя ихъ обставленными, нерѣдко остается въ норѣ и задыхается. Иногда она заваливаетъ землей снутри тотъ ходъ, гдѣ разложили огонь; иногда поспѣшно роетъ новый отнорокъ, заваливая позади себя настоящую нору, и дорывшись до свѣта, лежитъ притаившись и едва только высунувъ, для дыханія, мордочку. Есть холостыя лисы, которыя, по–видимому, вѣкъ свой шатаются безъ норы. Замѣчательно также, что лисицы иногда, по неизвѣстнымъ причинамъ, пускаются въ путь, перекочевываютъ на другое мѣсто, въ большомъ числѣ. Нельзя сказать, чтобъ онѣ кочевали стаями (лисы вообще никогда

не ходятъ стаями), но онѣ идутъ всѣ по одному направленію, довольно–дружно, и ихъ тогда на днёвкѣ можно захватить множество на небольшомъ пространствѣ. Онѣ ложатся подъ кусты, каменья, корни деревъ, или вырываютъ на–скорую–руку небольшія норки, а по ночамъ продолжаютъ путь; онѣ идутъ неизвѣстно–откуда и неизвѣстно–куда, зачѣмъ и для чего, теряются и раздѣляются, достигнувъ какого–либо мѣста, и въ это время попадаются въ большомъ числѣ въ добычу людямъ. Иные полагаютъ, что лисы перекочевываютъ такимъ образомъ, когда ихъ много расплодится на одномъ мѣстѣ и станетъ тѣсно; дѣло не совсѣмъ–вѣроятное, потому–что онѣ собираются, для перекочевки, изъ цѣлаго округа на одно небольшое пространство. Говорятъ также, что онѣ уходятъ, предчувствуя моръ, или повальную болѣзнь на себя, даже голодъ, или другую невзгоду, — но и это не совсѣмъ вѣроятно. Справедливѣе, кажется, мнѣніе тѣхъ, которые замѣтили, что перекочевкѣ лисы и корсука предшествуетъ такое же

общее переселеніе полевокъ, землероекъ, мышей, крысъ или зайцевъ, и что лисицы собираются и преслѣдуютъ ихъ. Лиса охотно ѣстъ мышей всякаго рода, а потому охотники и говорятъ о ней, если она удалится отъ норы своей за промысломъ, что лиса мышкуетъ, а заяцъ жируетъ. Лиса, на волѣ, хлѣбнаго корма не ѣстъ; но въ плѣну пріучается къ нему отчасти, особенно если заправлять его нѣсколько жиромъ или наваромъ, и охотно лакаетъ молоко. Она душитъ все живое, что ей попадется, подстерегаетъ лѣтомъ птицъ на землѣ и на низкихъ гнѣздахъ, осенью удачно охотится на выводки, а зимой кормится мышами и кротами, если не удастся придушить зайца или птицы и зарыть остатки такого лакомаго стола въ снѣгъ. Если добычи нѣтъ, то лиса и лѣтомъ довольствуется насѣкомыми всякаго рода; охотно ѣстъ рыбу; хотя и не умѣетъ сама поймать ее, а отбиваетъ у чайки или скопы, кинувшись внезапно на птицу, занятую своей добычей. Лиса роскошествуетъ забравшись въ курятникъ, или на птичій

дворъ; она спѣшитъ какъ–можно скорѣе перевернуть шею всей крикливой стаѣ, чтобъ предупредить тревогу. Крикъ и стонъ куричъ и отчаянное гагаканье и кваканье гусей и утокъ въ это время превосходитъ всякое описаніе. Опустошеніе бываетъ велико, и, говорятъ, будто куры, съ испуга, перестаютъ нестись, что и подало поводъ къ поговоркѣ, заключающей въ себѣ страшную угрозу: «гдѣ я лисой пройду, тамъ три года куры не несутся». Лису труднѣе застать и убить на воровствѣ, чѣмъ волка; сѣрый наглѣе и проще, а она до–крайности осмотрительна. Она не полѣзетъ черезъ тынъ, не вломится въ ворота, а выберетъ какую–нибудь продушину, трещину, или подроется подъ стѣну и при первой тревогѣ туда же выскочитъ. Увѣряютъ даже, что старая лиса, забравшись въ курятникъ, обходитъ его сперва кругомъ, обшариваетъ всѣ уголки и припасаетъ себѣ, гдѣ можно, запасный выходъ. Всѣ движенія и пріемы лисы тонки, ловки, и, можно сказать, нѣжны. Какъ она хитро и умильно садится иногда на заднія

лапки, распустивъ по землѣ пушистый хвостъ, надувъ мягкую шерсть на хребтѣ, сгорбившись немного, поднявъ тонкую мордочку, наостривъ уши и облизываясь! Басня «о лисѣ и воронѣ» быль, — этому нѣтъ никакого сомнѣнія; лиса, конечно, не воспѣвала хвалу вѣщуньѣ, но увертками своими заставила ее каркнуть тѣмъ предостерегательнымъ голосомъ, которымъ ворона всегда возвѣщаетъ о какомъ–нибудь важномъ открытіи. Увидавъ опасную сосѣдку подъ деревомъ, карга забылась; она не можетъ дѣлать вдругъ два дѣла; — природа превозмогла, ворона каркнула — и сыръ упалъ въ ноги хитрой воровки!

Какъ искусно и съ какимъ долготерпѣніемъ залегаетъ лиса въ борозду вспаханнаго поля, на которое, по замѣчанію ея, собираются подъ–вечеръ галки и вороны, до отлета въ рощу на ночлегъ! Она не дохнетъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, и вѣтеръ не только не смѣетъ вскинуть пушистый хвостъ ея, но даже пошевелить на хребтѣ одну шерстинку: такъ плотно она пригладилась и улеглась; еслибъ

ей не измѣняла иногда рыжая шуба — на нее бы можно наступить и не увидать ея. Такимъ же образомъ, залегаетъ она въ снѣгу подъ заячьей тропой, на берегу рѣчки или озера, куда прилетаетъ птица на водопой; и съ такою же смышленостію ходитъ свидѣтельствовать на хлѣбахъ разнаго рода ловушки, поставленныя для тетеревей или куропатокъ. Увѣряютъ, что лиса, нашедши утиное гнѣздо съ яйцами, никогда почти не тронетъ ихъ, и заляжетъ сперва, чтобъ выждать и подстеречь утку.

Лиса щенится въ апрѣлѣ и маѣ, мечетъ до семи щенятъ, а носитъ девять недѣль, съ февраля[1]. Лисенята бываютъ почти такъ же забавны, какъ котята, но въ неволѣ дичатся. Мать нерѣдко играетъ съ ними сама, какъ кошка, и забавляетъ прыжками и побѣгушками. Она охотно приноситъ имъ полуживую мышь или птицу, заставляя ихъ гоняться за добычей и ловить ее; но если птица начнетъ при этомъ слишкомъ–громко кричать, то она поспѣшно свертываетъ ей шею. Въ ноябрѣ молодая лиса уже едва отличается отъ старой, и, отдѣлившись,

вырываетъ себѣ, на первый случай, не слишкомъ–глубокую нору. Справедливо ли, что мать сама разводитъ взрослыхъ дѣтей своихъ въ разныя стороны, отъискиваетъ имъ мѣсто для норы и устроиваетъ ихъ хозяйство — рѣшить не беремся. Въ норѣ своей, лиса чистоплотна и никакой духоты не терпитъ.

Въ Западной–Европѣ, волкъ почти истребленъ; его выжили люди — а въ Великобританіи онъ перевелся вовсе. Лиса пронырливѣе и скрытнѣе; она, по–немногу, водится всюду, а въ Англіи составляетъ предметъ самой высокой охоты: тамъ не травятъ лисы, а преимущественно загаиваютъ хорошими гончими, гоняясь за нею по цѣлымъ днямъ — потѣха неизвѣстная у насъ, въ Россіи. Сѣверная и восточная часть нашего государства понынѣ изобилуетъ, хотя не повсюду, лисицами, особенно Сибирь, и къ этой мѣстности относится преимущественно то, что мы говорили о перекочевкѣ лисицъ изъ края въ край. Говорятъ, лиса нѣсколько долговѣчнѣе волка.

Что лиса одно изъ самыхъ хитрыхъ животныхъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но въ ней нѣтъ ума, разсудительности, добронравія, послушанія и понятливости собаки, лошади или слона. Всѣ умственныя способности лисицы сосредоточиваются на одной, помянутой выше способности; во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ она не возвысилась до многихъ другихъ животныхъ. Она стоитъ выше волка, но ниже собаки. Голосъ лисы не звученъ, но довольно–разнообразенъ, смотря по поводу и обстоятельствамъ; она урчитъ, ворчитъ и фыркаетъ, когда сердится; лаетъ отрывисто и сипло, когда голодна; особымъ же, глухимъ лаемъ сзываетъ она лисенятъ, а, играя съ ними, также лаетъ и урчитъ, только иначе. Боль рѣдко вырываетъ у нея голосъ, и она умираетъ, такъ же какъ и волкъ, молча.

Шакалъ или чекалка, которая водится у насъ на Кавказѣ и вообще почти во всей Азіи, ходитъ стаями по ночамъ и жалобно завываетъ. Это трусливое и довольно глупое животное, которое нерѣдко бьютъ

палками, когда оно заходитъ въ ямы и землянки. Чекалки забѣгаютъ въ деревни, слѣдятъ за военными отрядами, подбирая разные съѣдомые остатки; а по разсказу солдатъ, готовы иногда унести изъ–подъ головы спящаго человѣка пару сапогъ, если только они смазаны саломъ. Мѣхъ очень–плохъ и почти никуда не годится. Шакалъ легко ручнѣетъ, бѣгаетъ за хозяиномъ, машетъ хвостомъ; въ немъ много сходства съ собакой; но трудно повѣрить Палласу на слово, чтобъ чекалка была родоначальницей всѣхъ псовъ.

Корсукъ очень–похожъ на лису, но менѣе и слабѣе ея, а шерстью болѣе сѣроватый, съ желтыми подпалинами на ногахъ; кончикъ хвоста у него черный, тогда–какъ у лисы онъ всегда бѣлый. Корсукъ никогда не бываетъ рыжей или красной масти, какъ лиса; мѣхъ его лѣзетъ, шкура тонкая и плоха; по–этому, скорняки и торгаши всегда почти мѣшаютъ корсучьи шкуры, по частямъ, въ лисьи мѣха, которые вообще по–крайней–мѣрѣ вчетверо дороже первыхъ. Но еще чаще попадается,

особенно въ женскихъ салопахъ, караганка, потому–что шерсть на ней мѣстами голубая и походитъ на чернобурую лису, или на хорошій дущатый мѣхъ красной лисы. Но мѣхъ караганки еще плоше корсучьяго; онъ вытирается въ–теченіе одной зимы, и въ шубѣ остаются повсюду голыя мѣста. Корсукъ и караганка водятся въ Киргизской–Степи, но послѣдняя южнѣе, большею частію по ту сторону Усть–Урта; а корсукъ по всей средней степи, отъ Усть–Урта до нашихъ предѣловъ.

Корсукъ живетъ въ норахъ поверхностныхъ, но идущихъ колѣнами въ три и четыре поворота на нѣсколько саженъ подъ землею. Корсукъ любитъ хрящеватую, песчанистую почву и водится во множествѣ на такихъ мѣстахъ. Онъ нерѣдко кочуетъ, какъ сказано было о лисѣ, и вдругъ появляется тутъ или тамъ въ несмѣтномъ числѣ. Иногда, онъ внезапно показывается въ такомъ множествѣ у нашей линіи, что Башкиры и Киргизы приносятъ тысячи шкуръ на продажу. Его легко выкопать изъ норы, взявъ казачью пику

или длинный шестъ и запустивъ его въ нору, покуда онъ уткнется на поворотѣ норы; тамъ прорытъ сверху, всего четверти на двѣ или на три — и опять засунуть шестъ до втораго поворота; тутъ опять прорыть, и дойдти такимъ образомъ до котловины, которая также рѣдко бываетъ глубже аршина. Тогда корсука легко поймать живымъ, прижавъ палкой, что мнѣ случалось дѣлать не разъ въ степныхъ походахъ. Собака беретъ корсука легко, и вообще за нимъ никакихъ лисьихъ замашекъ не замѣтно; это глупенькое, трусливое животное, которое преимущественно питается степными мышами. О караганкѣ мы мало знаемъ особеннаго; она, кромѣ шерсти, во всемъ довольно–сходна съ братомъ своимъ, корсукомъ. Корсукъ мало ручнѣетъ, кусается и легко уходитъ; онъ никогда не пьетъ, и созданъ для сухой степи. Его иногда также выкручиваютъ изъ норы расколотою въ концѣ хворостиной, какъ у насъ мальчишки выкручиваютъ изъ стѣнъ птичьи гнѣзда.

Песецъ меньше лисы, почти съ корсука; мордочка тупѣе, толще, и вообще голова болѣе походитъ на собачью; уши круглѣе лисьихъ; шерсть лѣтомъ бурая, зимою вся бѣлая, изрѣдка темный волосокъ; подошвы какъ у зайца, мохнатыя. Мѣхъ его не въ цѣнѣ; шерсть легко валяется въ войлокъ. Есть порода песцовъ подъ названіемъ голубыхъ, которые и зимой не бѣлѣютъ; чѣмъ шерсть буръе, тѣмъ мѣхъ считается хуже, а чѣмъ болѣе подходитъ къ пепельному цвѣту, тѣмъ дороже. Это животное полярное, но на сѣверовостокѣ распространилось по всей Камчаткѣ, Алеутскимъ и другимъ островамъ; а нынче песецъ, ко всеобщему удивленію, сталъ показываться около Петербурга и даже Курляндіи. Онъ мечетъ по десятку и болѣе щенятъ; живетъ въ небольшой норѣ, глупъ и смѣлъ, почему легко попадается во всѣ ловушки. Остяки и Самоѣды выкапываютъ его въ большомъ числѣ изъ норъ; животное это удивительно–быстро размножается, но, не смотря на это, въ–теченіе послѣднихъ

пяти–десяти лѣтъ песцы въ Сибири сдѣлались нѣсколько рѣже, хотя и нынѣ еще ихъ вывозятъ тысячами.

В. ЛУГАНСКІЙ.

[1] Волчиха носитъ 11 недѣль; сука 9 недѣль.